

А.А. Тухель
Россия, Томск

Томский государственный университет

**Государственно-идеологические воздействия на
топонимическую систему Верхнего Притомья в первой – третьей
четверти XX в.**

Топонимическая система Верхнего Притомья во второй половине XIX в., несмотря на усиление государственной власти на территории Сибирского региона, все еще представляла собой живую саморазвивающуюся и саморегулирующуюся систему, т.е. по сути находилась в естественном своем состоянии. При этом автором учитывается опыт проведения аграрной реформы Столыпина в начале XX в. и ее значительное воздействие (внешнее с точки зрения системы) на топонимику Верхнего Притомья: существенный рост населения Томской губернии, Томского и Кузнецкого уездов в т.ч., интенсификация социокультурных процессов, которые тем не менее не изменяли принцип организации – «самоорганизацию» – топонимики, за исключением регламентации в области расселения крестьян (установление четких границ переселенческих участков, например).

После смены власти в стране в ходе Великой Октябрьской революции, изменения политического режима, государственной идеологии и в результате проведения новой советской администрацией мероприятий, по преимуществу своему, в области реструктуризации сельского хозяйства, саморегуляция и самоорганизация топонимической системы Верхнего Притомья, как и других подобных региональных топонимических систем, прекратилась. Внесенные властными структурами изменения в сельское хозяйство, начало колхозного строительства, политика укрупнения колхозов и последующие шаги в государственном регулировании аграрного сектора экономики привели к утрате топонимикой устойчивости и, впоследствии, к постепенному ее разрушению, что продолжается до настоящего времени.

Например, с 1930 по 1980-й год из практически 600 населенных пунктов, расположенных на территориях Шегарского, Томского, Кривошеинского, Зырянского и Асиновского районов Томской области, осталось около 280, т.е. чуть меньше половины. Исчезновение этих населенных пунктов напрямую связано с вышеуказанными мероприятиями в области сельского хозяйства.

Автор считает, что основными условиями сохранения устойчивости топонимической системы Верхнего Притомья до начала преобразований первой половины XX в. являются: отсутствие прямого и ограниченно косвенное влияние на самоорганизацию и саморегуляцию топонимики; принцип невмешательства в дела аборигенного населения, в т.ч. Верхнего Притомья (до аграрно-административной реформы конца XIX в.); самостоятельность в выборе места для поселения до второй половины XIX в.; развитие инфраструктуры в регионе.

С 1900 по 1913 увеличилось примерно в 2 раза количество медицинских пунктов, было выстроено более двух тысяч верст дорог, что так или иначе способствовало переселенческому процессу и его всестороннему обеспечению.

К слову сказать, одной из основных причин самостоятельного / вынужденного переселения сельского населения в другие населенные пункты и города в 60-70-е годы стало отсутствие необходимой инфраструктуры (мостов – Асаново-на-Томи, электричества – Ленинка, водопровода – Александровка).

Соответственно, основные причины дестабилизации и разрушения топонимической системы Верхнего Притомья: столыпинская реформа и усиление темпов переселения русскоязычного населения в Сибирь, как следствие – существенный перевес в пользу последнего, преобладание его над населением аборигенным; проводимое советской администрацией искусственное регулирование хозяйственной деятельности сельского населения (колхозы и совхозы – их укрупнение, ликвидация неперспективных деревень и т.д.), что является ключевым фактором (как пример: на территории Кемеровской области в 1970-е годы как неперспективные были ликвидированы / исчезли 153 населенных пункта – на 10 больше, чем появилось за предшествующие полвека; за конец XIX – первую четверть XX вв. исчезло всего 8).

В продолжение предыдущего тезиса, но с отдельным акцентом – помимо косвенного влияния на топонимику (государство целенаправленно до 1917 года в Верхнем Притомье топонимику не трансформировало и трансформировать, очевидно, не «хотело») появляется воздействие прямое, зачастую обусловленное с одной стороны необходимостью утверждения идеологии, с другой – необходимостью ее поддержания, увековечивания «советской атмосферы». Как результат – появление топонимов-советизмов как инициатива «снизу» или (в большей степени?) навязанное «сверху» (в период с 1917 по 1925 годы на территории Верхнего Притомья образуется семнадцать населенных пунктов с подобными названиями; еще четыре населенных пункта переименовываются в идеологическом ключе).

«Советизмы» – неустойчивые ойконимы (Совхоз №2 НКВД (Совхоз МВД) ликвидирован в 1950-е, Заготскот (Поселок Скотобаза) ликвидирован в 1960-е., Советский ликвидирован в 1970-е.). Возможность их сохранения, по предположению автора, связана с постепенным привыканием к ним советских граждан и идеологической приверженностью последних; наличием «селообразующих предприятий» – колхозов, например, что также определяет и третье условие – государственное регулирование и обеспечение, что выражается в поддержании жизнеспособности населенных пунктов (развитии инфраструктуры, в частности).

К концу хронологического периода советизированных топонимов (из образованных или переименованных) сохранилось лишь незначительное количество относительно досоветских. При этом топонимы досоветские зачастую имели за собой многовековую историю, что косвенно свидетельствует о правомерности выводов относительно стабильности и саморегулируемости топонимики Верхнего Притомья.

Исчезновение населенного пункта, его наименования и, самое главное, его населения, которое является (являлось) живым свидетелем, носителем информации о существующих (а они в большинстве своем остаются) или

существовавших поблизости от населенного пункта микротопонимах, формирует проблему микротопонимики и ее «учета». Деструктивные тенденции в топонимике (ее разрушение, в основе своей) приобретают больший масштаб в случае, если рассматривать их вкупе с исчезновением населенных пунктов (ойконимов) и связанным с последним исчезновением микротопонимов (гидронимов, дринонимов, оронимов, зачастую не указанных на картах), о существовании которых известно исследователю непосредственно или опосредованно через знания местного населения. Косвенным подтверждением данного тезиса является тот факт, что при исчезновении населенного пункта вместе с ним исчезает и его название, но таких уникальных названий иногда бывает больше, чем самих населенных пунктов. Бесспорно также, что в каждом н.п. есть как минимум одно название улицы, что также по сути своей является топонимом (годонимом).

Например, на территории Мальцевского сельского поселения (с. Мальцево) Юргинского муниципального округа по данным, полученным в ходе проведения интервью с так называемыми «старожилами», имеют место быть следующие микротопонимы: Домнина гора, Косогоры, лог Бикет, Чернышев лог, Сидоркино озеро, Военный городом, Дунай-ручей, Старина (изначально месторасположение населенного пункта), Даль, озера Первое, Второе, Третье и др.

Проблема микротопонимов и масштабности трансформации топонимики за счет их (микротопонимов) исчезновения вместе с ойконимами требует дальнейшего исследования и тщательной проработки. Вопрос остается открытым и обозначает дальнейшую перспективу и возможное направление исследования. Кроме того, данная проблема представляется актуальной с точки зрения научного знания и его преумножения и обладает социальной значимостью с точки зрения сохранения наследия, культуры как аборигенного, так теперь уже и русскоязычного, т.е. всего российского населения.